

УДК 323.21:659

DOI: 10.17223/1998863X/37/29

Н.Г. Щербинина

«ЖИВОЙ ПОРТРЕТ» ВЛАСТИТЕЛЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Термин «живой портрет» вводится автором для анализа особого случая политической коммуникации в России, когда власть ритуально репрезентирует свое присутствие народу. Данная однонаправленная коммуникация призвана демонстрировать бытие официального политического лидера с целью успокоить народные тревоги. В качестве конкретного подтверждения приводятся три исторических примера подобных ритуальных эффектов, когда «живыми портретами» стали царь Алексей Михайлович, вождь Иосиф Сталин и президент Владимир Путин. Обоснованиями ритуально-репрезентативного характера случаев политической коммуникации выступают выделенные автором портретные каноны: 1) «униформа», схематизирующая властителя до живого портрета; 2) статичность позы как ритуальная особенность «портретной коммуникации»; 3) конкретный властитель как «форма презентации». Суть феномена «живого портрета» заключается в наличии Репрезентанта.

Ключевые слова: «живой портрет», портретные каноны, портретный ритуал, портретная коммуникация, власть репрезентации.

Термин «живой портрет» вводится нами как смысловая аналогия термина «живая икона», который характеризовал ритуализированное поведение средневекового монарха. Смысл иконичности, соответствия данного образа стоял в том, что икона как «живой образ» была подобна Божественному первообразу. В результате монарх приобретал, по сути, эстетическое назначение эмблемы в церемониальной репрезентации власти [1. 69–71]. Здесь монарх-человек выступал как свое собственное изображение. Так возникал особый план существования политической власти – коммуникация как бытие ритуального знака. Перед нами некая абсолютная репрезентация, основанная на замене личности властителя знаковостью. Следовательно, монарх как личность «отсутствует», однако его подмена скрыта актом коммуникации.

Постепенно возникал парадокс: феномен престижа «прикреплялся» не к монарху, но к его образу. Теперь образ заменяет короля, который персонально отсутствует. «Король является воистину королем, то есть монархом, лишь в образах, которые сообщают ему присутствие, считающееся подлинным» [2. С. 373]. Другими словами, король существует в визуальных образах, вызывающих доверие, а политический дискурс о короле касается одобрения его зримого представительства. Потому не только государство – это король, но и портрет короля есть сам король. Именно к живому портрету обращены фантазии, восхваления и ожидания подданных. Трансформируется и власть короля, репрезентация как таковая становится формой политической власти. Данный феномен продолжает существовать и в немонархических режимах. «Человек “стал принимать все почести, которые ему желали оказывать, и позволил считать себя королем”. Итак, это “эффект портрета”, “эф-

фekt репрезентации” делает короля» [2. С. 382]. В чем же выражается эффект портрета?

На наш взгляд, эффект портрета явлен в портретных канонах:

– эстетика «униформы» (С. Аверинцев), особая одежда, схематизирующая человека-властителя до живого портрета;

– статичность позы как ритуальная особенность «портретной коммуникации»;

– конкретный властитель как «форма презентации» (К. Вашик, Н. Бабурина), особый политический образный конструкт в качестве послания в односторонней визуальной коммуникации власти и народа.

По нашему мнению, «живыми портретами», т.е. типичными политическими властителями, участвующими в «портретной коммуникации» и презентующими различные исторические эпохи, являются царь Алексей Михайлович, вождь Иосиф Сталин и президент Владимир Путин. Несмотря на отличие сценариев презентации (ритуал «царского выхода», «плакатный ритуал», телеритуал «разговора»), все они выдержаны в портретных канонах, нами отмеченных.

Начнем с «униформы». Униформа в отношении «портретного ритуала» – это, с одной стороны, одежда, выполняющая знаковую функцию, т.е. отличающая властителя. С другой стороны, это именно форма, которая участвует в коммуникации, схематичное послание, указание на репрезентанта, лишённого индивидуальности. Униформа русских царей имела своим прототипом одежду византийских императоров, тогда же возникла и эстетика одевания средневекового монарха. Одежда отличалась великолепием, символизирующим блеск империи, и дополнялась инсигниями – знаками власти. В описании Р.С. Уортмана наряд для царского выхода включал в себя: предметы из регалий Мономаха (драгоценную корону по типу шапки, «животворящий крест»), копии византийских элементов униформы («порфиру», мантию, подбитую горностаем; державу и скипетр; золотые бармы, оплечье, расшитое драгоценностями), а также пуговицы и браслеты, изукрашенные драгоценными камнями [3. С. 56, 58–59]. Словом, царь напоминал сверкающую статую. В этой одежде Алексей Михайлович был царем, но не личностью, символом, но не человеком. Во время выходов он не просто играл роль, но презентовал драгоценную эмблему в ритуале, представляющем недостижимый для народа образ монарха.

Униформа Сталина сама стала образцом для тоталитарного типа властителя. Архетипом униформы Сталина служит простой китель, который значительно трансформируется (китель с наградой, китель под шинелью, китель генералиссимуса). В этой униформе в плакатной коммуникации Сталин не человек, но вождь: «Сталин присутствует, но вместе с тем для зрителей его нет: взгляд и жесты вождя обращены в некое абстрактное пространство. Дело, таким образом, было в самом его наличии в качестве символа, а не в его структурно-логическом включении в контекст изображения. Уже одного такого *присутствия образа* достаточно для того, чтобы гарантировать эффективность плакатного ритуала» [4. С. 165]. Итак, униформа Сталина указывала лишь на присутствие, но не персоны, а властителя, точнее образа власти.

Униформа Путина – деловой строгий костюм. Но ритуальная фигура Президента не монистична, а окаявлена двумя фигурами журналистов, что напоминает композицию русской иконы (В. Боннелл подчеркивала, что мно-

гие советские плакаты использовали данную модель). В целом же образуется символическая группа, визуально подчеркивающая монологичность «разговора». Перед нами визуальная схема телеритуала, показывающего «разговор». Другими словами, присутствует образ Президента «разговаривающего». Сам «разговор» схематичен, включая повторяющиеся рубрики [5]. Но темы не важны, важно само присутствие Президента, что сообщает эффективность «разговора». Кстати, статистика «прямой линии» постоянно подчеркивает данную эффективность.

Далее перейдем к статичности ритуальной позы в «портретной коммуникации». Вообще коммуникация как обмен предполагает динамику, но «портретная коммуникация» ее, напротив, исключает. Обычная поза сидящего на троне монарха – монументальная неподвижность, она являлась атрибутом самого высокого политического статуса и престижа. «По-видимому, универсальными чертами поведения человека с высоким статусом представлялись такие, как замедленность движений (вплоть до полной неподвижности, статичности), тихий голос, сдержанность в проявлении эмоций, прямой, неподвижный взгляд, сведенная к минимуму жестикуляция» [6. С. 66]. Во время царских праздничных выходов русского царя ритуально вели под руки: «Его медленный и утомленный шаг к концу долгого шествия подчеркивал отдаленный от простых смертных и статический характер его власти» [3. С. 59]. Таким образом, ритуальность позы русского царя в «портретной коммуникации» репрезентировала власть монарха, Наместника Бога, его связь с Абсолютом. Аналогично описывается и оценивается как «форма монументализации» ритуальная поза приветствующего Сталина в «плакатной коммуникации». «Статичность и нарушение линейной перспективы, правила которой отныне не соблюдаются, это приемы сакрализации властителя (монарха), имеющие долгую традицию в истории русской культуры: они сходны с принципами построения русской иконы» [4. С. 165]. Вследствие этого Сталин становится аналогом русского царя, а портрет царя и есть сам царь, т.е. включается «эффект репрезентации». И, наконец, Путин в течение «разговора» сидит. Тем самым он занимает статичную позу, утверждая «портретную коммуникацию». Характерно, что такая распространенная форма политического общения, как теледебаты, напротив, происходит в формате стоя. Президент «разговаривает» сидя, а телеаудитория внимает и «видит», но прямо не участвует в разговоре (ведь ни для кого не секрет схематизированность вопрошания). Да вопрошание и неважно, ведь Президент заведомо даст все ответы. Цель ритуала «портретной коммуникации» во все времена одна – успокоить народ, продемонстрировав власть репрезентации. Любая форма «живого портрета» есть Репрезентант. И монарх, и вождь, и президент мог бы сказать: «Я властвую, потому что репрезентирую».

Третий канон – властитель как «форма презентации» означает, что сугубо зрелищная коммуникация власти с народом в России сводится к «портретной коммуникации». Политическая коммуникация как репрезентация, по сути, это визуальная (хотя современные лидеры дополняют ее и вербальным сопровождением) коммуникация. Здесь используется архаическая магия феномена визуального присутствия, что порождает, своего рода, «режимы видимости». С одной стороны, официальный лидер активно демонстрирует себя как форму для восприятия, реле-

вантную времени, подчеркивая символическую природу политической власти. С другой стороны, наблюдающая пассивная сторона «видит воочию» данную форму, что позволяет установить ценностный консенсус на почве репрезентации. И ритуал «царского выхода», и «плакатный ритуал», и телеритуал «разговора» показывают властителя как Репрезентанта. В этом и состоит роль «живого портрета» просто быть политической иконой своего времени.

Литература

1. *Аверинцев С.* Символика раннего средневековья (К постановке вопроса) // Аверинцев С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 59–90.
2. *Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
3. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.
4. *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.
5. *Рубцов А.* Как строится образ вождя. – [Электронный ресурс] // Ведомости. 13 апр. 2016. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/14/637610-obraz-vozhdy> (дата обращения: 8.06.2016).
6. *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. М.: Наука, 1990. 168 с.

Scherbinina Nina G. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: sapfir.19@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/37/29

«LIVE PORTRAIT» OF A RULER AS A POLITICAL REPRESENTATION.

Key words: «live portrait», portrait canons, portrait rituals, portrait communication, the power of representation.

The term «live portrait» is introduced by the author to analyse a particular case of political communication in Russia, when the authority represents itself ritually to the people. Such a one-sided communication is called upon to demonstrate the existence of the political leader, to appease the people's anxieties. To specifically acknowledge this, three historical examples of such ritual effects are used in which the «live portraits» became tsar Aleksey Mikhailovich, leader Joseph Stalin and president Vladimir Poutine. The portrait canons highlighted by the author, act as an explanation to the ritual-representative character of cases of political communication: 1) «the uniform», which schematizes the ruler prior to the live portrait; 2) the static pose as a ritual particularity of «portrait communication»; 3) a particular ruler as a «form or presentation». The core of the phenomenon of the «live portrait» is in the existence of the Representative.

References

1. Averintsev, S. (2005) *Drugoy Rim: Izbrannyye stat'i* [Another Rome: Selected Articles]. St. Petersburg: Amfora. pp. 59–90.
2. Ricœur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French by O. Machulskaya. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
3. Whartman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 1. Translated from English by S. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.
4. Vashik, K. & Baburina, N. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The Reality of Utopia. The art of Russian poster of 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Rubtsov, A. (2016) *Kak stroitsya obraz vozhdy* [How to build the image of the leader]. *Vedomosti*. 13th April. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/14/637610-obraz-vozhdy>. (Accessed: 8th June 2016).
6. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the origins of etiquette. Ethnographic essays]. Moscow: Nauka.